

ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ В СИРИИ И ПОЛИТИКА РОССИИ

15 июля 2012 г. Международный комитет Красного Креста классифицировал вооруженный конфликт в Сирии как «гражданскую войну», предупредив о растущих людских потерях, особенно со стороны гражданского населения. Отпор, который правительственные силы дали скоординированной наступательной операции повстанцев, впервые вышедшей за пределы периферийных районов и затронувшей основные центры страны – гг. Дамаск и Алеппо, был наиболее жестким с начала конфликта. Однако он не имел решающего значения, встретил ожесточенное сопротивление и перерос в затяжную кампанию, в ходе которой правительству пока не удалось полностью восстановить полный контроль за Алеппо и предотвратить вылазки повстанцев и теракты в Дамаске. В конце 2012 г., по мере расширения ареала вооруженного насилия и обретение им все более ожесточенного и межобщинного (сектарного) характера, конфликт все более приобретает черты тотальной войны за выживание, особенно для правящего режима и лояльных ему сегментов населения – и, прежде всего, для алавитской общины.

На фоне обострения внутрисирийского противостояния все более очевидным становится растущий разрыв между его внутренней динамикой и международными аспектами, особенно внешними усилиями по регулированию конфликта. Эти усилия, в свою очередь, упираются в базовое противоречие между, с одной стороны, бурной политической риторикой ведущих международных игроков по сирийской проблеме и их амбициями в отношении ситуации в Сирии – и, с другой стороны, фактическим нежеланием или отсутствием у них возможностей оказать какое-либо решающее влияние на ход конфликта и выйти за рамки выжидательной позиции. Несмотря на международные разногласия по сирийской проблеме, это противоречие в равной степени характерно как для позиции США, стран Европейского Союза (ЕС) и Лиги арабских государств (ЛАГ), так и для их основных оппонентов в этом вопросе – России и Китая.

Попытки договориться о прекращении огня в Сирии, предпринимавшиеся с середины весны по середину лета 2012 г. в рамках так называемого плана Аннана под эгидой ООН, потерпели неудачу – в том числе потому, что этот план был компромиссом, в первую очередь, между основными внешними игроками, а не между сторонами конфликта. В итоге «план Аннана» фактически свелся к попытке выиграть время в отсутствие как реальных политических рычагов воздействия на противоборствующие стороны, так и готовности к внешнему военному вмешательству. Еще более ярким примером такого «выжидательного» подхода стало непродление истекшего 19 августа 2012 г. мандата небольшой, хотя и довольно активной, наблюдательной миссии ООН в Сирии. На смену ей пришла странная комбинация: сокращенное до минимума, чисто символическое

присутствие ООН в Сирии вкупе с важным назначением новым спецпредставителем ООН и ЛАГ по Сирии главного в мире авторитета по теории и практике постконфликтного «восстановления мира» (*“peacebuilding”*) – алжирца Лахдара Брахими.

Несмотря на то, что роль международного сообщества в сирийском кризисе остается в центре международных дискуссий по Сирии и внимания СМИ, на деле внешний контекст пока перекрывается внутренней динамикой конфликта и вторичен по отношению к ней. Высока вероятность того, что именно внутренняя составляющая сирийского конфликта определит характер и временные рамки международного вмешательства, а не наоборот.

I. Внутреннее измерение сирийского конфликта

В том, что касается гражданской войны в Сирии, приоритетное внимание в западных и российских СМИ, а также в официальных кругах и со стороны близких к ним экспертов отдается вопросу о роли международного сообщества в регулировании этого конфликта и формах международного вмешательства. При этом наблюдается тенденция к переоценке имеющихся у ведущих внерегиональных игроков, возможностей воздействия на конфликтующие стороны. В России также особенно склонны преувеличивать желание и готовность США и их союзников напрямую вмешаться в ход конфликта. Кроме того, гражданскую войну в Сирии нередко пытаются свести чуть ли не исключительно к противоречиям между региональными державами – прежде всего, между Ираном и арабскими монархиями Персидского залива – и трениями между суннитами и шиитами в региональном масштабе.

Выпячивание международного аспекта проблемы, к сожалению, происходит за счет недостаточного внимания к внутренней динамике сирийского конфликта. Между тем никакие внешние, в том числе региональные, факторы не могут объяснить, почему внутренний вооруженный конфликт в Сирии приобрел столь ожесточенный характер и затягивается. Сирийский режим – это последний оставшийся после «арабской весны» республиканский режим на Ближнем Востоке, имеющий миноритарный характер (т. е. такой, при котором правящая группировка представляет одно из меньшинств, в данном случае конфессиональное). Этот режим столкнулся с самым серьезным кризисом за весь период своего правления – сочетанием широкого протестного движения и элементов народного восстания с более организованным, хотя и все еще достаточно разрозненным, повстанческим движением. Светский режим баасистов-алавитов в Сирии имеет исторический опыт успешного подавления очагов исламистской оппозиции, причем крайне жесткими методами, и десятилетиями готовился к противостоянию любым внутренним (и внешним) оппонентам. Но сирийские власти, как и все остальные режимы в регионе, оказались не готовыми к широкому процессу социально-политической трансформации, получившему условное название «арабской весны». За короткое время этот процесс превратил Ближний Восток (за исключением Персидского залива) из заповедника светских авторитарных режимов в регион, где в условиях перехода к более представительным политическим системам на первый план выходят массовые движения

политического ислама.

Эпоха миноритарных республиканских автократических режимов на Ближнем Востоке подходит к концу. Тем не менее, переходный процесс в каждой из стран региона, в наибольшей степени затронутых этими изменениями (Тунисе, Египте, Йемене, Ливии, Сирии) имеет существенные особенности. Именно внутрисирийская специфика объясняет, почему, в отличие от быстрой и в целом ненасильственной дезинтеграции режимов З.А.Бен-Али в Тунисе и Х.Мубарака в Египте под давлением внутренних сил или падения режима М.Каддафи в Ливии преимущественно в результате внешней интервенции, рост протестных выступлений в Сирии и реакция на них со стороны режима Б.Асада вылилась в ожесточенную гражданскую войну, которая рискует затянуться.

Несмотря на эскалацию вооруженного сопротивления и постепенное размывание позиций сирийского правительства в политической, социально-экономической и военной сфере, не говоря уже о международной арене, антиправительственные силы изначально были сильно разрозненны. Наиболее явные линии разногласий пролегли между относительно светской оппозицией и исламистами, в том числе радикальными, и между группировками и силами, базирующимися внутри страны и находящимися в эмиграции. Осенью 2012 г. усилились попытки объединить разобщенные отряды вооруженной оппозиции, при политической поддержке США, в том числе с целью предотвратить ее радикализацию по «джихадистскому пути». Так, в октябре было провозглашено создание Координационного комитета, а в ноябре по результатам переговоров в Дохе (Катар) ведущие оппозиционные группировки подписали соглашение о создании Сирийской национальной коалиции. Военный потенциал вооруженной оппозиции постепенно растет, а ареал ее активности расширяется – вплоть до вооруженной борьбы за контроль за вторым по значению в стране городом Алеппо и терактов в столице – Дамаске – и все более регулярных стычках на его окраинах.

Однако такие действия пока в основном провоцируют жесткую и масштабную реакцию со стороны правительственных сил, хотя и посеяли тревогу даже среди лояльного режиму населения относительно способности властей поддерживать базовую безопасность. Вооруженная активность повстанцев (как в виде военных операций, так и в форме терактов) не способна – и в среднесрочной перспективе будет неспособна – существенно изменить асимметричный расклад сил и возможностей противоборствующих сторон, даже несмотря на рост военной и финансовой помощи повстанцам из-за рубежа (прежде всего, со стороны Турции, Катара и Саудовской Аравии, хотя растет и финансово-техническая поддержка со стороны США и западных стран).

Режим Б.Асада обладает рядом специфических ресурсов, которые дают ему возможность как противостоять внутренней вооруженной оппозиции, так и могут продлить его возможность сопротивляться пока сугубо гипотетической внешней интервенции. Так, в сирийских условиях сектарный характер государственно-политической системы – правление в течение четырех последних десятилетий закрытой узкой касты, базирующейся на поддержке алавитского меньшинства – не ускоряет, а оттягивает конец режима. Все более отчетливый конфессиональный характер вооруженного конфликта проявляется не только в радикализации части повстанческого движения и активизации экстремистских

элементов радикально-салафитского толка, но и в параллельной консолидации и усилении «осадного менталитета» алавитской общины. Алавиты сами все больше становятся заложниками ситуации и связывают с режимом уже не просто собственное благополучие, а само свое физическое выживание. Доминирование алавитов в вооруженных силах (которые, в отличие от Египта при Мубараке, в Сирии не играют автономной роли) и их абсолютное преобладание в спецслужбах гарантирует, что, несмотря на некоторое число перебежчиков на сторону оппозиции, ядро государственных структур безопасности останется с режимом до самого конца. С большой вероятностью, оно продолжит ожесточенное сопротивление даже в крайнем случае гипотетической иностранной интервенции по «смене режима», «окопавшись» в уже формирующихся алавитских анклавах. Роль сектарного фактора в сирийском конфликте будет только возрастать, в том числе по мере того, как ослабевают другие рычаги и возможности влияния на ситуацию, ранее доступные режиму Асада – социально-экономическая патронажная система, функциональность государственных институтов, способность властей обеспечить базовые условия жизнедеятельности и безопасности для лояльного к ней населения.¹

Иными словами, внутрисирийский конфликт все более поляризуется, затягивается и принимает все более тяжелые формы. Насилие по линии повстанцы против правительства мутирует в сторону сектарного конфликта и все больше накладывается на территориальную фрагментацию страны. Оно сопровождается распространением феномена «милиций», «полевых отрядов» и «полевых командиров» с обеих сторон, включая автономные проправительственные формирования («*шабиха*»). Растет число жертв среди гражданского населения. Ширятся потоки беженцев в соседние страны и внутренних перемещенных лиц. На фоне снижения дееспособности государственных институтов и их постепенной дезинтеграции, а также резкого ухудшения социально-экономических условий и острого финансового кризиса возникла «экономика войны». Она приобретает все более самодовлеющий характер, сама становясь фактором продолжения вооруженного противостояния. Применение, в частности, внешних экономических санкций к такой экономике, которая все больше ориентирована на продолжение войны, бессмысленно. В целом, динамика конфликта в Сирии все меньше подвержена как давлению, так и стимулам извне. Перспектива какого-либо решающего исхода в ближайшем будущем нереальна. Цена вооруженного противостояния и для той, и для другой стороны высока, но они готовы – и еще долго будут готовы – ее платить. Это делает все более призрачной надежду на возможность внутрисирийского переговорного процесса, шансы для которого на более ранних стадиях сирийского кризиса (в 2011-м – начале 2012 г.) еще существовали.

II. Международное измерение сирийского конфликта

Вопреки расхожему мнению, реальный набор возможностей и рычагов, которыми обладает международное сообщество в сирийском вопросе, в первую очередь определяется отнюдь не разногласиями в Совете безопасности ООН (между коалицией западных государств и стран-членов Лиги арабских государств (ЛАГ), с одной стороны, и Россией и Китаем, с другой стороны). На са-

мом деле, эти возможности определены – и одновременно ограничены – двумя базовыми факторами.

Во-первых, большинство крупных внешних игроков – включая США, их европейских союзников, соседей Сирии по региону (Турцию, Ливан, Ирак и Иорданию), Египет и другие страны ЛАГ не из числа государств Персидского залива, и, в конечном счете, Россию и Китай, предпочли бы нечто среднее между эскалацией гражданской войны в Сирии – и неконтролируемой дезинтеграцией или развалом сирийского государства и общества. Два принципиальных исключения из этого ряда составляют лишь Саудовская Аравия и Иран, которые имеют четкие односторонние предпочтения в сирийском конфликте и предпочли бы, чтобы конфликт разрешился решающей победой одной из сторон «любой ценой». Иран в лице режима Б.Асада рискует потерять своего последнего государственного союзника в регионе (и единственного в арабском мире). В свою очередь, Саудовская Аравия (и другие монархии Персидского залива) выступают за свержение проиранского, в их интерпретации, режима Б.Асада и всячески этому способствуют. Одновременно они пытаются предотвратить или смягчить «угрозу» со стороны реформистского (умеренного) и радикального исламизма собственным монархическим режимам. Решить эту задачу становится все труднее в региональном контексте, где главными тенденциями последнего времени стали демократизация и растущая роль политического ислама, опирающегося на широкую народную поддержку.

За исключением Ирана, с одной стороны, и Саудовской Аравии и Катара, с другой, никто на международной арене категорически не оспаривает необходимости и предпочтительности какого-то более контролируемого переходного варианта в Сирии. В том, что касается ситуации в самой Сирии, основным предметом международных разногласий сейчас является не необходимость переходного политического процесса как таковая (ее под сомнение уже никто не ставит) и даже не судьба самого Асада, а, скорее, форма, содержание и конечные цели переходного процесса. В конечном счете все упирается в то, сохранит ли – и насколько – новое переходное политическое устройство какие-то элементы и институты нынешнего режима, т. е. «асадизма».

Во-вторых, ни одно западное правительство, ни НАТО как блок, несмотря на неоднократное выражение острой озабоченности «страданиями сирийского народа», на самом деле не могут себе позволить еще одну прямую военную интервенцию на Ближнем Востоке (после военной операции в Ливии 2011 г.) в *ближайшем будущем*, даже при поддержке ряда стран региона. В свою очередь, такие государства, как Саудовская Аравия и Катар, хотя и желают внешнего военного вмешательства в Сирии, сами по себе, без поддержки и даже руководящей и направляющей роли США и их западных союзников, такой интервенции не начнут.

Подспудное, но устойчивое нежелание – по крайней мере, на данном этапе – напрямую вмешиваться в ситуацию в Сирии, прежде всего, характерно для администрации США. Практические шаги администрации Барака Обамы в сирийском вопросе говорят о том, что предпочтение явно отдается сценарию относительно контролируемого переходного периода в Сирии. Для США такой переходный период подразумевал бы уход Б.Асада, но никак не полную дезинтеграцию сирийского государства, с учетом ее неизбежного дестабилизацион-

ного эффекта в масштабе региона. Повторим: реальные предпочтения администрации США в практических действиях по сирийской проблеме следует отличать от пафосной риторики госдепа в поддержку демократии и повстанческого движения и «в защиту» гражданского населения в Сирии.

Это не означает, что у США нет интересов в сирийском конфликте или аргументов в пользу отстранения от власти режима Б.Асада, особенно в более широком региональном контексте. Среди таких интересов – ослабление Ирана и потеря им единственного союзника среди государств региона в случае падения режима Асада, а также прекращение сирийской поддержки шиитского движения Хизбулла в Ливане. Тем не менее, несмотря на все эти соображения, администрация Б.Обамы до сих пор явно не желала спешить с военной интервенцией в сирийский конфликт и вообще предпочла бы в Сирии не бесконтрольный развал власти, а контролируемый переходный политический процесс (предполагающий сохранение функциональности хотя бы части государственных институтов). Причин такой сдержанности со стороны США, по крайней мере, три.

Во-первых, это уже упомянутая специфика и внутренняя динамика самого сирийского конфликта: его особо ожесточенный характер, сползание в межобщинный конфликт и все более выраженный сектарный аспект, когда сопротивление режиму постепенно мутирует в противостояние «на смерть» алавитской общине и укрепляет ее собственный «осадный менталитет» (а без примирения суннитов с алавитами не будет и единой Сирии), наличие целого ряда других меньшинств, положение которых становится все более угрожающим, растущая роль радикально-исламистского элемента в рядах оппозиции. Эти и многие другие факторы делают успех любой «молниеносной» интервенции крайне маловероятным и сильно затрудняют любое постконфликтное урегулирование.

Во-вторых, свои ограничения накладывают и внутривнутриполитические соображения, связанные с годом президентских выборов в США. В числе основных внешнеполитических обещаний – и достижений – администрации Обамы были непростые и в какой-то степени мужественные решения о выводе войск США из Ирака (уже практически завершенном) и о значительном сокращении американского военного контингента в Афганистане к 2014 г. Иными словами, администрация Обамы взяла курс на свертывание наиболее высокочрезвычайных военных авантюр (особенно актуальный в условиях острого финансово-экономического кризиса) и следующих за ними малоперспективных, если не сказать провальных, экспериментов по «национально-государственному строительству» по западному образцу в малопригодных для этого странах (экспериментов, прочно ассоциировавшихся с предшествующей администрацией Дж.Буша-младшего).

Этот курс принципиально не нарушила даже короткая интервенция США, НАТО и ряда арабских стран в Ливии в 2011 г., предпринятая уже в ходе «арабской весны» (к которой, вопреки различным конспирологическим теориям, США оказались явно не готовы). Ограниченное участие США в интервенции в Ливии, приведшей к падению режима М.Каддафи, было в значительной мере продиктовано солидарностью с европейскими союзниками по НАТО (Францией и Великобританией) и основными оставшимися арабскими партнерами (нефтяными монархиями Персидского залива) после потери Соединенными Штатами своего главного арабского союзника за пределами Залива – режима Х.Мубарака в

Египте. В этом смысле роль США в ливийской кампании, среди прочего, должна была продемонстрировать намерение Вашингтона сохранить свои позиции на Ближнем Востоке даже в условиях «арабской весны» и особенно подъема массовых исламистских движений, а также показать готовность, в случае острой необходимости, к военному вмешательству в регионе. Еще одна мотивация американского участие в интервенции в Ливии – это попытка «бросить кость» Саудовской Аравии и другим консервативным арабским союзникам в виде свержения их давнего оппонента – Каддафи – и «успокоить» монархии Персидского залива на предмет готовности США не бросать их на произвол судьбы, в том числе в случае возможных внутривосточных осложнений в этих странах. Хотя военная кампания в Ливии в целом решила эти задачи, неоднозначные последствия ускоренного развала ливийского режима не заставили себя ждать: от выплескивания нестабильности и вооруженного насилия в соседние страны (вплоть до провозглашения на севере Мали «независимого государства Газават» радикальными исламистами, усиленными притоком ливийских повстанцев-туарегов и оружия из Ливии) – до отсутствия и по сей день государственного контроля над рядом районов Ливии и радикализации части бывших повстанцев. Последняя отчетливо проявилась в ходе сентябрьских беспорядков 2012 г., когда было атаковано американское консульство в Бенгази и убит посол США в Ливии, причем руками тех «повстанческих» сил, которым США и их союзники ранее оказывали поддержку в борьбе с режимом Каддафи.

На этом фоне администрация Обамы просто не может себе позволить – причем не только в конце своего первого срока и в период президентских выборов, но и после начала второго срока пребывания Б.Обама на посту президента США в результате его победы на выборах ноября 2012 г. – новую прямую военную интервенцию в весьма запутанный и ожесточенный конфликт на стороне оппозиции, в составе которой присутствует радикально-исламистский элемент. Еще меньше энтузиазма у нынешнего руководства США по поводу принятия на себя ответственности за проведение в Сирии очередного разорительного эксперимента по «национально-государственному строительству».

В-третьих, США обеспокоены возможными негативными последствиями в региональном масштабе – как в случае ускоренного или полного развала сирийского государства, так и в том случае, если ключевую или важную роль в пост-асадовском устройстве будут играть радикально-исламистские силы. Несмотря на то, что падение режима Асада в Сирии принесло бы США и их союзникам в регионе (прежде всего, Израилю) и определенные дивиденды на региональном уровне – ослабление позиций Ирана и Хизбуллы – прямые негативные последствия в региональном масштабе имеют все шансы перевесить потенциальные косвенные дивиденды. Среди таких возможных негативных последствий: подъем исламского экстремизма в регионе, включая новый рост влияния транснациональных радикально-исламистских элементов и сетей (несколько отошедших было в тень в эпоху «арабской весны»); ухудшение безопасности Израиля (даже несмотря на ослабление Хизбуллы) и возможность обострения сирийско-израильских отношений, в случае доминирования исламистов в постасадовском правительстве; возобновление внутривосточного конфликта в Ливане, где шиитское движение Хизбулла, потеряв мощного покровителя и желая сохранить свой квази-государственный статус, может ре-

шить «сыграть на опережение» и сознательно пойти на обострение ситуации внутри страны; наконец, угроза потери режимом Асада контроля над запасами химического оружия (возможно, преувеличенная противниками режима, в том числе США). Стоит ли говорить, что положение Израиля – главного союзника США в регионе – еще более сложное: собственно, на данном этапе любой исход ситуации в Сирии будет иметь для Израиля те или иные серьезные негативные последствия.

В целом, перспективы прямого вооруженного вмешательства США (даже совместно с союзниками) в сирийскую гражданскую войну пока остаются весьма проблематичными. Несмотря на то, что в своем выступлении 20 августа 2012 г. Б.Обама не исключил угрозы применения США военной силы против Сирии, отчетливо подразумевалось, что реализация этой угрозы может быть оправдана только в случае какого-либо катастрофического сценария – подобного потере Сирией контроля над химическим оружием.

Весьма ограничены и те рычаги, которыми США и другие западные страны обладают для сколько-нибудь серьезного, а тем более решающего воздействия на ситуацию в Сирии. При этом, вопреки распространенному мнению, особенно в международных СМИ, главными препятствиями для США и Запада в целом в сирийском вопросе являются вовсе не их разногласия по Сирии с Россией и Китаем. В конце концов, даже серия вето, наложенных Россией и Китаем в Совете Безопасности ООН на резолюции по Сирии, всего лишь отказала противникам режима Асада в универсальном мандате на подготовку и проведение очередной операции по «смене режима». Но отсутствие такого универсального мандата со стороны ООН на иностранное вмешательство во внутренний конфликт не беспрецедентно и не специфично для Сирии. В тех случаях, когда правительство США действительно имело четкий интерес и твердое намерение и возможность осуществить вооруженную интервенцию по «смене режима», оно находило способы провести подобную операцию и без мандата Совета Безопасности ООН. Очевидно, что в данном случае дело в другом – в том, что интересам США в сирийском конфликте все еще в большей степени отвечает выжидательная позиция. Для США (как и большинства других ведущих внешних игроков, за исключением Ирана и Саудовской Аравии) такая линия поведения все еще оставляет место надежде – пусть и слабеющей – что в ходе сирийского конфликта произойдут серьезные сдвиги военного или политического свойства, которые создадут более благоприятные условия для международного посредничества или вмешательства, позволив избежать масштабной внешней военной интервенции в разгар ожесточенных внутрисирийских столкновений, принимающих все более выраженный сектарный характер.

В этом контексте периодическое применение Россией и Китаем своего права вето при голосованиях по Сирии (в феврале и июле 2012 г.) в каком-то смысле стало для администрации США идеальным «прикрытием» ее нежелания ускоренными темпами напрямую втягиваться в новую военную авантюру на Ближнем Востоке. Более того, позиция России и Китая в Совбезе ООН дает США возможность «сохранить лицо» и даже получить определенное моральное преимущество, позволяя американским официальным лицам делать смелые заявления в поддержку страдающего и угнетаемого «сирийского народа» и при этом – временно – освобождая США от необходимости подкреплять эти заяв-

ления решительными действиями (а не просто ограниченной технической и разведывательной поддержкой антиасадовских сил). Любое внутривнутриполитическое или международное давление на администрацию Обамы относительно необходимости «что-то срочно предпринять для прекращения насилия в Сирии», нарастающее по мере эскалации конфликта и обострения гуманитарной обстановки в Сирии и на ее границах, нивелируется путем «перевода стрелок» на привычных и политически весьма «удобных» козлов отпущения – Россию и Китай.

III. Политика России в сирийском конфликте

На примере политики России в отношении сирийского кризиса хорошо прослеживаются более общие черты российского внешнеполитического мышления и поведения. Внешняя политика России, в том числе в сирийском вопросе, не сводится лишь к производной неких статичных «причин» или четко определенных «интересов». Для того чтобы понять суть этой политики, ее следует рассматривать как процесс, в центре которого – активность ряда игроков, стимулируемая и движимая различными факторами и условиями, включая как внешние, так и внутривнутриполитические импульсы и ограничения.

Политика России в отношении «арабской весны» до обострения сирийского конфликта

Несмотря на то, что проявившаяся в 2012 г. настойчивость Москвы в сирийском вопросе была воспринята многими, особенно в западных СМИ, как признак «возврата» России в регион, в реальности она вряд ли способна существенным образом изменить или «повернуть вспять» долгосрочную тенденцию к постепенному снижению роли России на Ближнем Востоке, растянувшуюся на два постсоветских десятилетия. Значительный спад внешнеполитической активности и влияния России на Ближнем Востоке во всех трех традиционных ипостасях (военной, экономической и идеологической) в какой-то мере сопровождался и обретением новых экономических интересов и партнеров (включая Турцию и Израиль) и новых интересов и озабоченностей в области политики и безопасности, например, в вопросах противодействия транснациональному терроризму исламистского толка и взаимодействия с силами политического ислама в регионе.

В 2000-е гг. реальное влияние России на Ближнем Востоке в основном сводилось к ее отношениям с Ираном и, в какой-то мере, с Сирией. Роль России в процессе палестино-израильского урегулирования и в Ближневосточном квартете (который, наряду с ней, включает ООН, ЕС и США) практически не выходила за рамки статиста. В целом, присутствие и интересы России в регионе потеряли идеологическую базу и в наибольшей степени сократились в таких арабских странах, как Египет, другие страны арабской Северной Африки (за некоторым исключением Ливии в конце 2000-х гг.) и Йемен. Иными словами, основные события «арабской весны» начала 2010-х гг. пришлись в основном на страны, где Россия не располагала ни значительным влиянием, ни крупными интересами.

Парадокс в том, что сочетание ослабления «старых» позиций времен СССР с рядом «новых», пусть и ограниченных, интересов и возможностей России привело к тому, что Москве – возможно, впервые – удалось занять весьма сбалансированную позицию в регионе. Такая позиция сформировалась вопреки – а, возможно, в какой-то мере даже благодаря – сильно сократившимся прямому вмешательству, присутствию и интересам России на Ближнем и Среднем Востоке и резко контрастировала с политико-идеологическим, экономическим и военным вмешательством и агрессивной политикой США и их западных союзников в регионе (квинтэссенцией которой стали две военные интервенции – в Афганистане и Ираке, закончившиеся бесславным выводом большей части западных войск из этих стран). На этом фоне сдержанная позиция Россия, ее курс на невмешательство во внутренние дела ближневосточных стран и конфликты в регионе, отсутствие какого-либо идеологического прессинга с ее стороны, вкупе с сохранившейся в регионе памятью о многолетней поддержке арабских стран в советские времена и оставшимся влиянием России в Совете Безопасности ООН, в каком-то смысле даже позитивно сказались на российском имидже на Ближнем Востоке – по крайней мере, до обострения сирийского конфликта в 2012 г. По иронии, именно отсутствие у России значительных стратегических интересов на Ближнем Востоке, а также тот факт, что она является одной из немногих крупных держав, экономика которой не зависит от поставок ближневосточных энергоресурсов, предоставили Москве редкую для крупных внерегиональных игроков возможность занять и соблюдать относительно нейтральную позицию в регионе – между Ираном и арабскими монархиями Персидского залива, между суннитами и шиитами, между относительно светскими силами (например, Фатх в Палестинской Автономии) и реформистскими исламистами (например, движением Хамас) и даже, до известной степени, между арабским миром и Израилем.

Этот «благожелательный нейтралитет» России на Ближнем Востоке не был сразу нарушен даже когда в регионе стали разворачиваться одна «арабская революция» за другой. Хотя протестная волна в арабском мире застала руководство России – как и (все!) остальные державы – врасплох, Москва сохранила относительно сдержанную и спокойную позицию по отношению к событиям в Тунисе, Египте, Йемене и Бахрейне.

Первую реакцию России на главную «мирную революцию» в регионе – в *Египте* – можно суммировать в двух словах: «замешательство» и «невмешательство». Даже несмотря на пристрастие части российских внешнеполитических кругов к теориям заговора и почти инстинктивную склонность переоценивать способность США влиять на события в Египте, в целом политические последствия египетской революции – и прежде всего, победа на выборах реформистских исламистских сил (движения «братьев-мусульман») – оказали на политику России в регионе, скорее, нейтрально-позитивный, даже отрезвляющий эффект. Эти события стали катализатором нового официального подхода Москвы к силам умеренного (реформистского, или легалистского) исламизма в регионе. Суть этого подхода – в налаживании нормальных рабочих отношений с такими силами, особенно если они пользуются массовой поддержкой населения, в том числе на выборах. Как заявил спецпредставитель президента РФ по Ближнему Востоку Михаил Богданов в мае 2012 г. по итогам первого тура новых

президентских выборов в Египте: «Сегодня крупные партии политического ислама пользуются поддержкой миллионов человек. Это реалии и нам надо их учитывать и выстраивать отношения... с теми общественно-политическими силами, которые пользуются поддержкой народа и становятся легальными избранными руководителями той или иной арабской страны».²

Хотя Россия поддержала ограниченные международные санкции против правительства М.Каддафи в Ливии, она, наряду с другими странами БРИК (Бразилией, Индией, Китаем) и ФРГ, предпочла воздержаться в ходе голосования в Совете Безопасности ООН 17 марта 2011 г. по резолюции 1973. Москва продолжала настаивать на том, что эта резолюция давала международным силам мандат лишь на защиту гражданского населения Ливии путем создания бесполетных зон, а не на иностранную интервенцию по смене ливийского режима (которая в итоге состоялась в марте-октябре 2011 г. при участии Великобритании, Франции и США, а позднее также ряда других стран-членов НАТО и арабских союзников из числа стран Персидского залива). Тем не менее, Россия не стала однозначно и в одностороннем порядке поддерживать режим Каддафи – даже несмотря на достаточно серьезные экономические интересы и перспективы в Ливии (в области энергетики, развития транспортной инфраструктуры и поставок вооружений), расширившиеся для России после списания 4,5 млрд. ливийского долга, накопившегося еще со времен СССР.³

Двойственную позицию России по вопросу о судьбе режима Каддафи хорошо иллюстрируют противоречивые заявления российских официальных лиц (например, 11–12 июля 2011 г.), одновременно подчеркивавших, что «Каддафи является... лидером и авторитетом»⁴ и что «в будущей новой Ливии места для Каддафи не будет».⁵ В целом позиция России по ливийскому кризису – в той мере, в какой ее можно обозначить – свелась к попытке нащупать некий средний, промежуточный вариант, избежав как одобрения очередной военной интервенции Запада в третьей стране, так и безусловной поддержки режима Каддафи. Об осмысленности и результатах этой позиции можно спорить. Однако, хотя такая двойственность и не принесла Москве дивидендов (например, учета российских экономических интересов в Ливии после свержения режима Каддафи), она, по крайней мере, позволила России «сохранить лицо» и избежать каких-либо крупных внешнеполитических провалов.

Таким образом, политика России в регионе в эпоху «арабских революций» вплоть до начала 2012 г. оставалась достаточно сдержанной и прагматичной – даже несмотря на разногласия по Ливии со странами НАТО (поддержанными государствами Персидского залива). Лишь с обострением внутреннего конфликта в Сирии и его переходом в фазу вооруженного противостояния Россия вышла на авансцену международной политики на Ближнем Востоке.

Эволюция политики России по сирийской проблеме

В отличие от предыдущих массовых протестных движений в странах Ближнего Востока и даже от интернационализированного вооруженного конфликта в Ливии, по мере обострения ситуации в Сирии в начале 2012 г. Россия полностью и однозначно поддержала сирийское правительство на всех уровнях, включая СБ ООН. Почему Россия выступила в качестве одного из основ-

ных внешних «покровителей» – и главным внерегиональным союзником – сирийского режима? Что в случае с Сирией внезапно выдвинуло Россию в центр международной и ближневосточной политики?

Как в России, так и за рубежом наиболее распространены несколько объяснений повышенной активности Москвы в отношении кризиса в Сирии. Первое распространенное объяснение построено на тезисе о наличии у России неких особо важных стратегических интересов в Сирии. Второе упирает на то, что необходимость реагировать на обостряющийся кризис в Сирии совпала по времени с бурным периодом в российской внутренней политике между парламентскими выборами в декабре 2011 г. и президентскими выборами в апреле 2012 г. Согласно третьему объяснению, решающую роль в позиции Москвы по Сирии сыграл эффект западной интервенции в Ливии. В частности, политика России в сирийском вопросе отразила растущую озабоченность Москвы тенденцией к выходу западных стран (а в данном случае, и стран Персидского залива) далеко за рамки соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН, нацеленностью этих стран на смену правящих режимов и угрозой региональной дестабилизации в результате развала государственной власти (чему пример ситуация в странах – южных соседях Ливии).

Хотя эти факторы имеют определенное значение, они все же ни по отдельности, ни вместе взятые не дают исчерпывающего объяснения политики России в сирийском вопросе.

Удивительно наблюдать, насколько многие западные и ближневосточные аналитики,⁶ в тон российским ура-патриотам, склонны преувеличивать стратегические интересы России в Сирии. При всех существующих формах военнотехнического, экономического, культурно-образовательного и иного сотрудничества между двумя странами, не стоит преувеличивать роль Сирии как крупного покупателя российских вооружений, особенно в свете низкой платежеспособности Дамаска даже до нынешнего кризиса. Небольшой пункт технического обслуживания российских судов в Тарту никак не тянет на военно-морскую базу и имеет, скорее, символическое значение. До недавнего времени, режим Асада не прилагал особых усилий и к тому, чтобы позиционировать себя в качестве политического союзника Москвы. Российские экономические интересы в Сирии помимо поставок вооружений – в энергетике и других областях – существуют, но достаточно скромны, особенно по сравнению с масштабами экономического сотрудничества России, например, с соседней Турцией.

Это, конечно, не означает, что в российской политике по Сирии отсутствует «рациональный интерес». Наряду с военными и экономическими контактами, упомянутыми выше, это могут быть и соображения, непосредственно не связанные ни со «стратегическими» интересами в Сирии, ни тем более с каким-либо «соперничеством» с Западом на Ближнем Востоке, на которое Россия пойти просто не в состоянии. Как отмечалось выше, настойчивость России по Сирии на удивление удачно коррелирует с основным противоречием, которое отличает политику западных стран по сирийской проблеме: США и их европейские союзники должны каким-то образом продемонстрировать повышенную озабоченность эскалацией насилия и обострением гуманитарной ситуации в Сирии, но предпочли бы как можно дольше воздерживаться от прямой военной интер-

венции в сирийский конфликт. При этом они не располагают серьезными рычагами влияния и давления на Сирию, альтернативными силовым методом, а региональные державы (Турция, страны Залива) при всей накаленности обстановки, вряд ли готовы пойти на одностороннее военное вмешательство в Сирии без «руководящей и направляющей» роли США и НАТО. На этом фоне, активность России по Сирии, в том числе в СБ ООН, в каком-то смысле пришлось даже кстати для США и НАТО, предоставив Западу удобный временный предлог для оттягивания принятия активных мер по Сирии, которое в конечном счете не исключено. А раз так, то и для России позиция по Сирии вольно или невольно становится своеобразным, хотя и краткосрочным, «козырем» в отношениях с США и Западом, в том числе по вопросам, не связанным непосредственно с Сирией и с регионом – по крайней мере, до тех пор, пока США и их западные союзники не «созреют» до прямого военного вмешательства в Сирии. Подчеркнем, что в своих отношениях с США в области безопасности Россия испытывает серьезный дефицит таких «козырных карт». Единственными двумя такими картами остаются (а) острая заинтересованность США и НАТО в сотрудничестве с Россией в области транзита гражданских и военных грузов из Афганистана через российскую территорию и воздушное пространство и (б) сохраняющийся интерес со стороны США и Европы в определенном российском влиянии и посредничестве в вопросах, связанных с ядерной программой Ирана.

В том, что касается роли внутривластных факторов в политике Москвы по Сирии, на которые нередко делают упор международные СМИ, даже влияние бурного сезона выборов в России конца 2011 – начала 2012 гг., включая манипуляцию антиамериканскими настроениями во внутривластных целях, еще не объясняет необычайной привязанности Москвы к сирийскому режиму, особенно на ранних этапах вооруженного противостояния. Не объясняет специфику российской реакции на конфликт в Сирии и нередкая в экспертных кругах ссылка на некую абстрактную «общность» или «близость» сирийского и российского «авторитаризма» – почему-то этот фактор не стал определяющим в политике России в отношении дезинтеграции таких авторитарных режимов на Ближнем Востоке, как режим Х.Мубарака в Египте и М.Каддафи в Ливии. Еще меньше смысла в предположениях о том, что возможный коллапс режима Б.Асада в Сирии может сколько-нибудь серьезно повлиять на внутривластные позиции правящих в России политических сил.

Если здесь и существует связь, то менее прямого и рационального, но более глубинного свойства. Ее можно обозначить как инстинктивное, почти подсознательное нежелание части руководства России мириться с самой возможностью болезненной дезинтеграции и демонстративного провала проекта национально-государственного управления, который до нынешнего кризиса в Сирии можно было бы определить как «просвещенный», или «умный» авторитаризм. Есть и иные характеристики, которые отличают асадовский режим даже от других авторитарных республиканских режимов на Ближнем Востоке, павших в эпоху «арабской весны». Например, в отличие от Сирии, в Египте важным фактором в развитии внутреннего кризиса оставались автономная роль и значительное внешнее финансирование вооруженных сил, а в Ливии – сложный клубок договоренностей с различными регионами и племенными группами, завязанных на фигуру Каддафи. Конечно, ряд характеристик, типичных для всех

государств региона до начала «арабской весны» (неподотчетное президентское правление, доминирующая роль сектора безопасности и спецслужб) характерен и для Сирии. В то же время, асадовскую Сирию отличает (в частности, от режимов Х.Мубарака и М.Каддафи) отчетливая специфика – политическое, экономическое и силовое доминирование узкой закрытой касты определенного типа и происхождения, в данном случае – сектарного (алавитского). Абсолютный приоритет для этой группы интересов самосохранения – и сохранения власти – при нормальных условиях оставлял достаточно места для политики «мягкого авторитаризма». Однако в случае, когда контроль и будущее сирийского режима оказались под угрозой, никакой «просвещенный авторитаризм» не смог предотвратить быстрого сползания к «силовым решениям» и «осадному менталитету».

Можно спорить о том, повлияла ли – и насколько – односторонняя поддержка Россией сирийского правительства в начале 2012 г. на события внутри и вокруг Сирии. Однако первые внешнеполитические последствия этой позиции для самой России оказались достаточно проблематичными.

Во-первых, хотя неприятие российской позиции со стороны Запада было вполне предсказуемо, позиция Россия впервые вызвала настолько широкую негативную реакцию в самом арабском мире и даже спровоцировала совершенно не типичные протесты у российских посольств в странах Ближнего Востока (в Ливане, Ливии и Судане). В отличие от регулярных демонстраций и нередких беспорядков у представительств США и других западных стран в регионе, протесты у российских посольств – явление из ряда вон выходящее: первые – и до недавнего времени последние – такие демонстрации имели место у советского посольства в Каире лишь в 1967 г. после поражения Египта в шестидневной войне с Израилем, когда толпа выражала недовольство «недостаточной» поддержкой Египта со стороны СССР. Неожиданно активная публичная реакция в арабском мире, в том числе со стороны «арабской улицы», на одностороннюю поддержку Москвой режима Б.Асада грозила превратить Россию чуть ли не в главного внешнего «козла отпущения» для большей части арабского мира. Такой ярлык Москвой совершенно не заслужен – в том числе в силу ее ограниченной роли и влияния в регионе.

Во-вторых, пострадала и репутация России в ООН, причем ей был нанесен ущерб нового типа. Речь не столько о репутационных издержках в Совете Безопасности, которые не стоит переоценивать: негативная реакция в Совбезе на применение Россией и Китаем 4 февраля 2012 г. права вето⁷ в отношении резолюции, содержащей поддержанный Западом мирный план Лиги арабских государств (ЛАГ), была вполне ожидаема и не носила беспрецедентного характера. Однако широкая поддержка анти-асадовской резолюции подавляющим большинством членов Генеральной ассамблеи ООН 16 февраля стала для России неприятным сюрпризом. Голосования в Генассамблее (резолюции которой не носят обязательного характера) именно по этой причине, как правило, лучше отражают истинные политические предпочтения и настроения стран-участниц, чем решения СБ ООН, которые формируются на основе баланса стратегических интересов ведущих держав. Демонстративный отказ подавляющего большинства государств мира в поддержке России, Китаю и еще несколькими странами по сирийскому вопросу шел вразрез с многолетней, хорошо прослеживаемой

мой тенденцией: в конце 1990-х – 2000-х гг. по вопросам, связанным с правами человека, большинство стран на заседаниях Генассамблеи ООН, как правило, голосовало солидарно как раз с Россией и Китаем (в то время как уровень поддержки резолюций, выдвигаемых США и странами ЕС, устойчиво снижался).⁸

В целом, для России как, с одной стороны, влиятельного игрока в ООН, а с другой стороны, относительного аутсайдера на Ближнем Востоке односторонняя поддержка сирийского режима в начале 2012 г. обернулась серьезными дипломатическими и репутационными издержками в самом регионе и в ООН – причем не столько крупными по масштабу, сколько новыми по типу. Однако проблему не стоит драматизировать. Как только Россия пережила президентские выборы, в полной мере ощутила холодный душ международной реакции на ее позицию по Сирии и стала лучше понимать происходящее в Сирии – а также по мере обострения самого сирийского конфликта – маятник российской внешней политики после некоторого заноса снова начал движение вспять, т.е. к более сбалансированному подходу.

С тех пор частью дипломатической активности России по Сирии стало определенное «ограничение ущерба». Москва начала медленно «отыгрывать» назад – в первую очередь, обусловив смягчение своей позиции гуманитарными соображениями (например, присоединившись к международным требованиям обеспечить гуманитарный доступ в районы конфликта в Сирии сотрудникам ООН). Затем отдельные российские официальные лица стали выступать с заявлениями о том, что задача предотвращения коллапса сирийского государства и дестабилизации обстановки внутри и вокруг Сирии выжнее, чем то, останется ли у власти лично Б.Асад,⁹ которые можно интерпретировать как попытке несколько дистанцироваться от односторонней поддержки любых действий правящего в Сирии режима. Россия также стала активнее поддерживать региональные посреднические усилия по Сирии.

Определенную адаптацию курса России к складывающимся реалиям в Сирии, регионе и на международной арене не следует, однако, рассматривать как его коренной пересмотр в пользу «голубей» за счет «ястребов» в российской внешней политике. Точнее было бы сказать, что различия в подходах российских элит к ситуации в Сирии и на Ближнем Востоке в основном определяются уровнем внешнеполитического профессионализма и знания региона. В более профессиональных кругах, специализирующихся на внешней политике, особенно среди арабистов – специалистов по Ближнему Востоку все большее распространение получает подход, который включает следующие положения:

(а) признание того, что протестные события 2011–2012 гг. в той или иной конкретной ближневосточной стране (в том числе в Сирии), при всей контекстной специфике, являются частью более широкой и необратимой волны социально-политических перемен, охватившей большую часть региона;

(б) понимание того, что эти перемены движимы внутренними для каждой страны и региона факторами, по крайней мере, в не меньшей – а скорее, даже в большей – степени, чем влиянием извне;

(в) скептическое отношение к «теориям заговора»;

(г) осознание необходимости налаживать контакты и выстраивать отношения со всеми основными политическими силами в регионе, включая исламистов

реформистского типа как во власти, так и в оппозиции.

Сторонников этого подхода можно найти во всех сегментах российской власти, политических элит и экспертного сообщества, хотя их вряд ли можно считать «голубыми». Скорее, речь идет просто о лучшем знании ими внешнеполитических реалий и более адекватном понимании истинных интересов и реальных возможностей России на Ближнем Востоке. Относительно адекватное понимание ситуации в целом характерно и для профессиональной российской дипломатии, включая министра иностранных дел С.Лаврова, и для наиболее квалифицированной части экспертного сообщества, особенно для ведущих российских академических экспертов по Ближнему Востоку.

Именно этот подход стоял за предпринятой Россией с конца весны 2012 г. серией мер по «ограничению ущерба». Этот подход, наряду с искренней попыткой стимулировать внутрисирийский переговорный процесс и предотвратить или максимально отдалить более радикальные действия со стороны США и НАТО без соответствующего мандата СБ ООН, в наибольшей степени проявился в поддержке Россией плана перемирия, предложенного спецпредставителем ООН и ЛАГ по Сирии Кофи Аннаном («плана Аннана») и одобренного Советом Безопасности ООН в апреле 2012 г. (резолюция № 2041).¹⁰ Этот план, в подготовку которого Москва вложила немалые дипломатические усилия, формально получил поддержку сирийского правительства и предусматривал отправку в Сирию миссии наблюдателей ООН (в соответствии с резолюцией № 2043 СБ ООН).¹¹ Уже после первого крупного нарушения условий «плана Аннана» – жестокой резни в сирийском городе Хула в конце мая – отдельные попытки российской дипломатии несколько дистанцироваться от фигуры Б.Асада впервые получили подтверждение на высшем государственном уровне, в ходе первых визитов В.Путина в Европу в его новом/старом президентском статусе. Как заявил Путин на совместной пресс-конференции с канцлером ФРГ Меркель 1 июня 2012 г., «у нас с Сирией добрые многолетние отношения, но мы не поддерживаем ни одну из сторон, от которой исходит угроза гражданской войны».

***

Политика России по конфликту в Сирии на протяжении 2012 г. не была статичной. Она постепенно эволюционировала от первоначальной односторонней поддержки правительства Б.Асада к более сбалансированному и рациональному подходу, который не отрицает необходимость политических перемен и переходного процесса в Сирии. В целом, Россия действительно предпочла бы какой-то «средний» вариант относительно контролируемого переходного процесса в Сирии – что в принципе не расходится и с интересами большинства других крупных внешних игроков (за жестким исключением, пожалуй, лишь Саудовской Аравии, Катара и Ирана). На нынешней стадии, основные разногласия по ситуации в самой Сирии между США (и их западными и арабскими союзниками) и Россией (а также Китаем) наблюдаются уже не по вопросу о необходимости переходного процесса, которую, как свидетельствует Женевское коммюнике по Сирии от 30 июня 2012, уже никто не отрицает.¹² Основным предметом разногласий являются формы, содержание и конечная цель (продукт) переходного политического процесса – проще говоря, будет или нет в будущем политическом устройстве Сирии место элементам нынешнего режима) – а также

средства и методы участия внешних (международных) игроков в сирийской урегулировании.

Тем не менее, реальное влияние Москвы на динамику самого конфликта останется весьма ограниченным. Если правящему в Сирии режиму еще удастся продержаться какое-то или даже длительное время, то это в основном произойдет в силу внутренних причин, а не благодаря российской поддержке. Если и когда сирийский режим падет, это случится в результате сложной комбинации многих факторов, включая ослабление и дезинтеграцию основных государственных институтов, экономический коллапс, дальнейшее раскручивание спирали (контр)повстанческого и межобщинного насилия, в том числе в особо жестких формах, и внешнее давление.

Очередной этап эскалации насилия в Сирии (с середины лета 2012 г.) еще более радикализировал противоборствующие стороны и усилил впечатление, что первоначальный резкий дисбаланс между военным потенциалом правительственных сил и повстанцев постепенно выравнивается. В этом смысле обострение насилия внутри страны способствовало подрыву долгосрочной перспективы сохранения власти президентом Асадом больше, чем любое дипломатическое и иное давление на Сирию со стороны таких внешних игроков, как западные страны, арабские государства и Турция. В целом, динамика сирийской гражданской войны показывает, что если что-то и изменит ситуацию, то это, скорее, будет развитие военно-политических событий в самой Сирии, чем влияние международной дипломатии.

Если предположить, что занятая международным сообществом (при всех разногласиях) в целом выжидательная позиция в сирийском вопросе была продиктована не только объективно слабыми возможностями влиять на ситуацию в Сирии и ограничениями на прямое военное вмешательство в ее ход, но и искренним стремлением дождаться какого-либо более определенного исхода военно-политического противостояния, то надо признать, что такая выжидательная позиция была в значительной мере оправданной – по крайней мере, со стороны занявших ее внешних игроков. На протяжении действия «плана Аннана» (апрель–август 2012 г.) он не только оставался оптимальной стратегией для России, но и дал возможность «прикрыться» этим планом таким ключевым внешним игрокам, как США. Многие питали надежду на то, что «план Аннана» (или любой последующий подобный план) позволит международному сообществу, по крайней мере, выиграть время, в ходе которого ситуация в Сирии могла сложиться по-разному, например, привести к таким перестановкам внутри режима – или даже к внутреннему перевороту – которые бы открыли новые возможности для урегулирования конфликта.

Однако ни дипломатическая, ни наблюдательная активность ООН сама по себе не способна предотвратить эскалацию насилия в Сирии и обострение гуманитарной ситуации в зоне конфликта. Это со всей очевидностью показала вспышка вооруженного насилия с середины лета 2012 г., в результате которых ООН была вынуждена вывести своих наблюдателей из Сирии по истечении их мандата. Пока исход кризиса решается противоборствующими сторонами в самой Сирии, а не международными посредниками.

Каким будет этот исход – это уже другой вопрос. Одним из возможных сценариев остается какая-то форма переходного процесса от существующей

государственно-политической системы к более представительной. Однако этот сценарий становится все менее вероятным. В ближайшей и среднесрочной перспективе сирийское правительство может потерпеть ряд военных неудач, но ни одна из них не будет иметь решающего значения. Хотя режиму Б.Асада вряд ли удастся сохранить власть в нынешней форме в долгосрочной перспективе, нет сомнений в том, что правящая каста будет – и может – сопротивляться до последнего. Однако даже значительное ослабление режима или отставка самого Асада отнюдь не гарантирует контролируемого процесса политической трансформации. Такое развитие событий, в отсутствие переходного политического процесса, может стать лишь очередным шагом к полному развалу системы управления в стране.

Собственно, коллапс в области управления, политики, экономики и безопасности и составляет второй сценарий развития событий, который становится все более вероятным по мере дальнейшего обострения полномасштабной гражданской войны в Сирии. Этот сценарий подразумевает сочетание ожесточенного насилия с растущим хаосом и все более отчетливым размежеванием по сектарно-общинному принципу, наподобие гражданской войны в Ливане 1975-1990 гг., и ставит под угрозу единство страны. Подобное развитие событий несет в себе наибольшие риски для гражданского населения Сирии в целом и меньшинств в частности.

Приоритет внутренней динамики сирийского конфликта не означает, что внешние факторы, которые пока не играют решающей роли, не могут способствовать как завершению, так и затягиванию конфликта, как облегчить, так и усложнить его разрешение. Продолжающаяся эскалация насилия в Сирии неизбежно вернет проблему обратно в Совет Безопасности ООН, а его членов, особенно постоянных – к непростым решениям о дальнейших действиях в отношении конфликта. США и их европейские союзники будут испытывать все большее давление в пользу более активного вмешательства в крайне нестабильном региональном контексте в наиболее сложный из всех конфликтов, порожденных «арабской весной». При этом максимум того, на что может пойти Россия в сирийском вопросе – это согласие на многостороннюю миссию ООН по поддержанию мира – да и то только в том случае, если такая миссия будет приемлема для сирийского правительства (в независимости от того, кто на тот момент будет этим правительством). Противодействие России любым проектам резолюций СБ ООН, которые открыли бы путь к официальному призыву к свержению сирийского режима путем вооруженной иностранной интервенции, сохранится – но, в конечном итоге, оно вряд ли сможет остановить такую интервенцию в обход Совбеза ООН, если и когда США и их западные и региональные союзники будут к ней готовы.

В целом, в долгосрочном плане нельзя исключать возможность роста интернационализации сирийского конфликта в целом и даже прямую внешнюю интервенцию как один из возможных вариантов, в частности. Пока прямая военная интервенция под руководством или при поддержке США в гражданскую войну в Сирии маловероятна – прежде всего потому, что такая интервенция пока нежелательна для самих США. Однако вероятность такой интервенции возрастет, если и когда развитие событий в Сирии пойдет по наихудшему (второму) сценарию – т. е. в случае полной дезинтеграции государства, развала поли-

тической и экономической систем и коллапса в области безопасности в отсутствие признаков внутривосточного переговорного/переходного процесса. При таком развитии событий было бы нереалистичным исключать возможность, например, международной гуманитарной интервенции при участии и поддержке стран Запада и ЛАГ – в том числе в отсутствие мандата на нее со стороны Совета Безопасности ООН. Более того, в конечном итоге нельзя исключать и возможность постконфликтной миссии ООН по «восстановлению мира» в Сирии в соответствии с полноценным мандатом со стороны Совета Безопасности, в том числе в целях защиты интересов сирийских меньшинств (христиан, друзов и самих алавитов).

ПРИМЕЧАНИЯ

---

¹ Подробнее см., например, Landis J. The Syrian uprising of 2011: why the Assad regime is likely to survive to 2013 // Middle East Policy. Spring 2012. V. 19. № 1. P. 72–84; Syria's Mutating Conflict / International Crisis Group (ICG) Middle East report no. 128. – Damascus; Brussels: ICG, 1 Aug. 2012.

² Цит. по: Даминов Р. Россия готова сотрудничать с любым избранным главой Египта // РИА-Новости. 24.05.2012: <<http://www.ria.ru/politics/20120524/656657782.html>>.

³ Подробнее об экономических интересах России в Ливии см. Александрова М. Арабский мир: упущенная выгода России // Русская служба Би-Би-Си. 20.04.2011.

⁴ Из интервью министра иностранных дел РФ С.Лаврова: Воробьев В. Что тебе снится, крейсер «Монтерей»? Глава МИД России назвал проблемы, для которых Западу не стоит искать простых решений // Российская газета. 11.07.2011.

⁵ Там же; см. также интервью С.Лаврова: Принцип неделимости безопасности на практике не сработал // Голос России. 12.07.2011.

⁶ См., например, Now or Never: A Negotiated Transition for Syria / ICG Middle East Briefing № 32. – Damascus; Brussels: ICG, 2012.

⁷ <<http://www.un.org/News/Press/docs/2012/sc10536.doc.htm>>.

⁸ Анализ голосований в Генеральной ассамблее ООН за период с 1997–1998 по 2007–2008 гг. показал рост поддержки позиции России и Китая по вопросам, связанным с правами человека, с 50% до 76% и 74%, соответственно, на фоне снижения поддержки позиции США (с 77% до 30%) и стран ЕС (с 72% до 48–55%). См. Gowan R., Brantner F. A Global Force for Human Rights? An Audit of European Power at the UN / European Council on Foreign Relations Policy Paper, 2008.

⁹ Из выступления С.Лаврова на заседании ЛАГ в Каире 10 марта 2012 г. Цит. по: Russia Today. 10.03.2012: <<http://rt.com/politics/lavrov-syria-arab-league-271/>>.

¹⁰ См. текст резолюции: <<http://www.un.org/News/Press/docs/2012/sc10609.doc.htm>>.

¹¹ См. текст резолюции: <<http://www.un.org/News/Press/docs/2012/sc10618.doc.htm>>.

¹² Action Group for Syria, Final Communiqué, 30 June 2012, <<http://www.un.org/News/dh/infocus/Syria/FinalCommuniqueActionGroupforSyria.pdf>>.